

Штаммлер Рудольф

**Хозяйство и право с точки зрения
материалистического понимания
истории**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р83

Р83 **Рудольф Ш.**
Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории / Штаммлер
Рудольф – М.: Книга по Требованию, 2024. – 422 с.

ISBN 978-5-521-31596-3

ISBN 978-5-521-31596-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

идеализмъ" Кенигсбергскаго философа. А между тѣмъ ученіе Канта въ одинаковой мѣрѣ способно разрѣшить тѣ запросы, которые неотступно встаютъ, какъ передъ теоретическимъ, чистымъ, разумомъ человѣка, такъ и передъ его моральнымъ, практическимъ самосознаніемъ.

2.

Соціальная философія нашихъ дней, поскольку она нашла себѣ выраженіе и въ настоящемъ трудѣ Рудольфа Штаммера, пошла именно по пути, предуказанному Кантомъ.

Самое сочетаніе такихъ понятій, какъ „соціальный“ и „философія“, указываетъ намъ тѣ двѣ плоскости, въ которыхъ и движется соціально-философская мысль: ея объектомъ служить соціальность, общественное бытіе, какъ особая форма существованія людей, и это соціальное бытіе освѣщается и оцѣнивается философскою мыслью, исходящей изъ моральнаго, телеологическаго угла зрѣнія.

Общественное бытіе намъ дано, какъ фактъ, не подлежащій сомнѣнію, оно образуетъ собой тотъ общій фонъ, на основѣ котораго только и мыслима совмѣстная дѣятельность людей. Не отдѣльный человѣкъ, не отдѣльные индивидуумы образуютъ собой общественное бытіе, оно не есть послѣдующее ихъ совмѣстной дѣятельности: въ началѣ была общественность, — такъ можно и должно, наоборотъ, охарактеризовать то взаимоотношеніе, какое и теоретически и практически существуетъ между общественностью и индивидуумомъ. Робинзонъ есть фикція, — такая же, какъ, напримѣръ, атомъ. Въ то же время, общественность немислима внѣ тѣхъ или иныхъ формъ регулированія совмѣстной жизни людей. И это понятіе регулированія, которое находитъ свое внѣшнее выраженіе въ такъ называемыхъ нормахъ права, одинаково и принудительныхъ и конвенціональныхъ, т.-е. условныхъ, приводитъ насъ къ понятію оцѣнки, моральной, телеологической оцѣнки, общественнаго бытія.

Итакъ, предъ нами „общественное бытіе“, которое подлежитъ оцѣнкѣ съ моральной, телеологической точки зрѣнія.

Но напередъ необходимо дать опредѣленіе самому общественному бытію людей, какъ особому объекту нашего познанія. Необходимо показать, что это понятіе по своему внутреннему содержанию таково, что здѣсь, помимо причиннаго, генетическаго угла зрѣнія, вполне закономѣрно прилагать и уголъ зрѣнія телеологическій.

„Общественное бытіе“, какъ особый объектъ нашего познанія, рѣзко отличается отъ такъ называемыхъ явленій природы, къ которымъ приложимъ лишь генетическій методъ, изученіе по схемѣ: причина-слѣдствіе, слѣдствіе - причина. Общественное бытіе, по опредѣленію Штаммлера, есть внѣшнимъ образомъ урегулированная совмѣстная дѣятельность людей. Регулированіе, право въ широкомъ значеніи этого слова (право, какъ юридическая норма, дѣйствующая принудительно, обычай, правила этикета, приличія, вѣжливости и т. п.), есть форма общественнаго бытія; совмѣстная дѣятельность, то, что подлежитъ регулированію, хозяйство, есть матерія общественнаго бытія. Опредѣляющее значеніе (не въ генетическомъ, каузальномъ смыслѣ, а въ смыслѣ логическомъ) имѣетъ форма. И въ ней, этой формѣ общественнаго бытія, слѣдуетъ искать закономерность послѣдней. Закономерность общественнаго бытія должна имѣть значенія для всѣхъ мыслимыхъ формъ общественности, независимо отъ ихъ содержанія. Ибо иначе закономерность эта была бы лишена безусловнаго значенія, она не обладала бы общезначимымъ характеромъ.

Но прежде, чѣмъ говорить объ этой идеѣ закономерности, необходимо остановиться нѣсколько на данномъ выше опредѣленіи общественнаго бытія.

3.

Свою точку зрѣнія Штаммлеръ называетъ точкой зрѣнія соціального монизма.

Что же такое эта идея соціального монизма?

И о какомъ монизмѣ можетъ итти рѣчь, когда намъ говорить о матеріи и формѣ соціальной жизни, какъ о чемъ-то раздѣльномъ, какъ о двухъ, повидимому, различныхъ моментахъ, взаимодействующихъ другъ на друга; когда, къ тому же, и самая форма квалифицируется, какъ нѣчто дѣйственное, активное, какъ то, что превращаетъ мертвую матерію въ нѣчто живое, дѣйствительное?

Гдѣ и въ чемъ выражается, въ такомъ случаѣ, эта идея монизма соціальной жизни?

Очевидно, говоритъ одинъ изъ критиковъ Штаммлера, здѣсь передъ нами старое „аристотелевское представленіе объ отношеніи формы къ матеріи, дѣйствительности къ возможности. Хозяйство— для него простая возможность: только право, формируя его, при-

даетъ ему социальную дѣятельность... Право—продолжаетъ критикъ—не есть общій принципъ самого хозяйства... Такимъ принципомъ явится—затрата усилій на удовлетвореніе потребностей. Право же, если и формируетъ хозяйственныя явленія, то только со стороны, какъ внѣшній хозяйству объектъ, путемъ реального воздѣйствія... право, наложивъ эту форму путемъ реального воздѣйствія, остается существовать какъ самостоятельный объектъ. Этимъ объектомъ оно является, какъ извѣстный социально-психическій фактъ, какъ умственныя нормы правового порядка, закрѣпленныя въ общественной психикѣ, и какъ связанныя съ ними волевые теченія. Эти психическія образованія вовсе не стоятъ къ хозяйству въ чистомъ отношеніи формы, а взаимодействуютъ съ нимъ по реальнымъ отношеніямъ" ¹⁾).

Ту же склонность къ аристотелизму усматриваетъ у Штаммлера и другой авторъ, г. Кистяковскій, въ своемъ вышедшемъ на нѣмецкомъ языкѣ трудѣ: „*Gesellschaft und Einzelwesen*“.

Но оба критика даютъ совершенно неправильную интерпретацію взглядовъ Штаммлера,—и менѣе всего повиненъ онъ въ аристотелизмъ.

Въ чемъ же дѣло?

Да, Штаммлеръ говоритъ о матеріи и формѣ социальной жизни: матерія социальной жизни—это вообще хозяйственная дѣятельность ²⁾, и подъ послѣдней разумѣется всякая совмѣстная дѣятельность людей, направленная къ достиженію опредѣленнаго эффекта,—по общепринятой терминологіи, это будетъ, въ сущности, вообще социальная, а не хозяйственная дѣятельность; форма—это внѣшнее регулированіе хозяйственной дѣятельности, право, какъ выражается Штаммлеръ,—но опять-таки право не въ обычномъ смыслѣ, какъ организованная государствомъ защита, носящая принудительный характеръ, а всякая форма регулированія человѣческихъ отношеній, т.-е. право въ обычномъ смыслѣ, мораль, обычай, этикетъ, нормы добровольныхъ соглашеній, безраз-

¹⁾ Ф. Софрововъ: *Механика общественныхъ идеаловъ*. Москва, 1902, стр. 80—81. Курсивъ принадлежитъ автору.

²⁾ Болѣе точное, въ формальномъ отношеніи, опредѣленіе матеріи даетъ Paul Natorp: „долженствующая быть совмѣстно выполненной дѣятельность есть чистая матерія... пригодность къ общественному осуществленію есть матеріальное условіе социального характера человѣческой дѣятельности“. (*Sozialpädagogik*, S. 152—153).

лично, вытекают ли онѣ стихійно-непроизвольно и признаются *tacito consensu*, или созданы вполне планомѣрно. И въ то же время Штаммлеръ настойчиво подчеркиваетъ, что подраздѣленіе формы и матеріи имѣетъ чисто служебное, методологическое назначеніе, что въ дѣйствительности нѣтъ матеріи безъ формы, какъ, обратно, нѣтъ формы безъ матеріи ¹⁾).

Кажется, ясно, что Штаммлеръ отнюдь не думаетъ приписывать праву, какъ формѣ соціальной жизни, какого-то самодовлѣющаго значенія, отнюдь не награждаетъ его своеобразно-творческой силой, способной превращать мертвое въ живое,—и однако именно такъ поняли его критики, и именно съ этой точки зрѣнія направили они свою критику противъ его построений.

Право—говорить г. Софроновъ—не есть общій принципъ хозяйства,—такимъ принципомъ является затрата усилій на удовлетвореніе потребностей.

Здѣсь критикъ допускаетъ двоякаго рода ошибку: во-первыхъ, право понимается гораздо уже, чѣмъ у Штаммлера,—и, такимъ образомъ, критикъ и критикуемый говорятъ на различныхъ языкахъ,—положеніе крайне неудобное; а во-вторыхъ, г. Софроновъ грѣшитъ—и очень сильно—въ данномъ случаѣ и противъ соціологическаго ученія Маркса, которое онъ, повидимому, беретъ подъ свою защиту.

Принципомъ хозяйства является затрата усилій на удовлетвореніе потребностей, — развѣ это хозяйство есть хозяйство въ смыслѣ ученія Маркса, хозяйство, какъ соціологическая категорія? Намъ до сихъ поръ настойчиво твердили, что политическая экономія, по Марксу, изучаетъ совокупность общественныхъ отношеній, возникающихъ между людьми въ процессѣ производства, обмѣна и распредѣленія благъ. И только. А если такъ, то не смѣшиваетъ ли г. Софроновъ хозяйство, какъ технологию, какъ ученіе о методахъ и приемахъ обработки веществъ, съ хозяйствомъ, какъ совокупностью общественныхъ отношеній, т.-е., иначе говоря, технологию, отрасль естествовѣдѣнія, съ политической экономіей, отраслью соціальной науки? Смѣшеніе, часто встрѣчающееся, но совершенно не выдерживающее критики.

¹⁾ „Какъ ни справедливо, замѣчаетъ Наторпъ: что матерія *in concreto* не можетъ быть безъ формы, — однако, подраздѣленіе понятій *in abstracto* должно быть проведено въ полной чистотѣ“. (Paul Natorp, *Sozialpädagogik*, 2 Auflage, Stuttgart, 1904. S. 152—153).

Хозяйство, какъ технология, и хозяйство, какъ совокупность общественныхъ отношеній, какъ опредѣленные понятія, не имѣютъ между собой ничего общаго. Простая кооперація, кооперація сложная, машинное производство и т. д., поскольку насъ интересуетъ здѣсь принципъ экономической затраты усилий, поскольку для насъ важно съ возможно меньшими затратами достигнуть возможно большихъ результатовъ, т.-е. поскольку мы стремимся къ возможно полному господству надъ природой, надъ мертвымъ веществомъ,—постольку и простая кооперація, и сложная кооперація и т. д.,—постольку все это лежитъ внѣ кругозора политической экономіи, а слѣдовательно, и внѣ кругозора социологіи. Только тогда, когда насъ начинаютъ интересовать тѣ отношенія, какія устанавливаются на этой основѣ между участниками трудовой дѣятельности,—только тогда всѣ эти категоріи, получая совершенно новое освѣщеніе и значеніе, превращаются въ категоріи политико-экономическія, а слѣдовательно, и въ категоріи социологическія.

А тогда—всѣ онѣ необходимо получаютъ характеръ и значеніе права, какъ его понимаетъ Штаммлеръ. И тогда меньше всего допустимо разсматривать право, „какъ внѣшній хозяйству объектъ“, и опредѣлять между ними форму и характеръ „взаимодѣйствія“, какъ это, наоборотъ, представляется возможнымъ—и совершенно неправильно—г. Софронову.

Эта необходимость строго разграничивать категоріи натуралистическія отъ категорій социологическихъ имѣетъ настолько существенное значеніе, какъ для пониманія взглядовъ Штаммлера, такъ и для правильной оцѣнки ученія Маркса, что я позволю себѣ еще нѣсколько остановиться на этомъ пунктѣ вниманіе читателя.

Вотъ передъ нами рабочіе-каменщики. Они заняты кладкой зданія. Здѣсь, на работѣ, они распределены извѣстнымъ образомъ по различнымъ функціямъ, согласно требованіямъ „технической рациональности“. Въ то же время они подчинены единой направляющей волѣ, въ лицѣ подрядчика, архитектора, инженера и т. п.

Я спрашиваю теперь: что это предъ нами? Явленіе порядка натуралистическаго, т.-е. технологическаго, или же явленіе социологическое?

Рабочіе распределены, — сказалъ я, — согласно принципамъ „технической рациональности“, т. е. каждый актъ ихъ трудовой дѣятельности подчиненъ извѣстнымъ техническимъ нормамъ, пра-

виламъ, приѣмамъ. Но эти правила—съ ними легко познакомиться въ любомъ руководствѣ по строительному искусству,—вытекающія и выражающія собой принципы „технической рациональности“—и только одни эти принципы,—т.-е. имѣющія своей цѣлью и задачей съ возможно меньшими затратами труда и матеріала достигнуть опредѣленнаго трудового эффекта—въ нашемъ случаѣ, построить зданіе, — эти правила и выражаемые ими отношенія между участниками общей трудовой дѣятельности лежатъ однако внѣ поля зрѣнія социолога: ибо здѣсь, собственно говоря, имѣются въ виду не взаимныя отношенія людей между собой и не регулирующія эти взаимоотношенія нормы права, а исключительно отношеніе людей къ мертвому веществу, общѣе, — къ природѣ. И самые люди съ этой, технологической, точки зрѣнія—это тѣ же природныя силы.

Это—одинъ уголъ зрѣнія на данное явленіе: точка зрѣнія, которую можно назвать натуралистической.

Но если мы отвлечемся отъ этого отношенія къ объекту, къ веществу, къ природѣ и станемъ интересоваться и изучать исключительно данный комплексъ взаимоотношеній между лицами, участвующими въ постройкѣ дома,—то и здѣсь снова возможны два угла зрѣнія, которые опять-таки необходимо строго разграничивать. Это, во-первыхъ, точка зрѣнія чисто психологическая и, во-вторыхъ, точка зрѣнія социологическая.

Для первой, т.-е. для психологической, точки зрѣнія данный комплексъ взаимоотношеній, возникающій изъ факта сотрудничества, представляетъ интересъ, какъ рядъ мыслей, чувствъ, желаній, стремленій, совмѣстно переживаемыхъ данной группой лицъ, при данныхъ условіяхъ мѣста и времени. Психологъ можетъ интересоваться, напримѣръ, тѣмъ, какія видоизмѣненія наблюдаются въ теченіи мыслей, чувствъ, желаній, въ формѣ и характерѣ активности отдѣльнаго человѣка, когда онъ приходитъ въ соприкосновеніе съ другими индивидуумами: усиливаются ли они, или ослабляются, возникаетъ ли что-либо новое, сравнительно съ индивидуальнымъ состояніемъ психики? Онъ можетъ отмѣтить здѣсь фактъ взаимнаго уравниванія и погашенія болѣе или менѣе отличныхъ индивидуальныхъ чертъ; онъ можетъ отмѣтить фактъ взаимнаго зараженія, фактъ подражанія одного состоянія сознанія другому и т. д. Однимъ словомъ, психолога этотъ комплексъ взаимоотношеній интересуетъ исключительно въ его не-

посредственно-субъективной жизненности,—и онъ изучаетъ его именно съ этой стороны ¹⁾).

Иное дѣло—соціологическая точка зрѣнія.

Для нея не существуетъ ни натуралистической точки зрѣнія—въ указанномъ выше смыслѣ—ни точки зрѣнія чисто психологической.

Отъ натуралистической точки зрѣнія соціологическая отличается тѣмъ, что она совершенно игнорируетъ отношеніе людей къ объекту, къ веществу, къ природѣ,—что, наоборотъ, составляетъ исключительный интересъ первой точки зрѣнія. Отъ чисто психологической—тѣмъ, что если она и интересуется тѣмъ же комплексомъ психическихъ взаимоотношеній между участниками данной трудовой дѣятельности—кладка дома,—что и та, то интересъ и вниманіе ея направлены въ иную сторону: этотъ комплексъ занимаетъ ее лишь постольку, поскольку здѣсь весь рядъ психическихъ взаимоотношеній выливается во-внѣ и тѣмъ необходимо облекается въ форму регулирующихъ данныя отношенія юридическихъ нормъ и правилъ, которымъ данные люди подчиняются вольно или невольно, и которыя въ то же время такъ или иначе выражаютъ и охраняютъ ихъ интересы.

Однимъ словомъ, соціолога, въ отличіе отъ психолога, эта непосредственная жизненность мыслей, чувствъ, желаній, дѣятельностей интересуетъ исключительно со стороны своей внѣшней проявляемости въ формѣ регулирующихъ ее юридическихъ нормъ и правилъ,—нормъ и правилъ, имѣющихъ въ виду не отношеніе лицъ къ объекту, къ природѣ, а ихъ отношенія другъ къ другу, какъ членовъ обществѣ.

Итакъ, одно и то же явленіе—кладка дома рабочими-каменщиками—можетъ оцѣниваться нами совершенно различно! въ за-

¹⁾ Если психологъ изучаетъ и интересуется также и „мертвыми“, отложившимися вовнѣ, какъ бы выкристаллизовавшимися объективными формами духа, какъ языкъ, литература и т. д., то опять-таки его интересуютъ эти „объективации“ духа, какъ формы выраженія непосредственного психического процесса, какъ выраженіе непосредственной работы психического механизма. Сказанному въ текстѣ не противорѣчитъ и терминъ „соціальная психология“: ибо предикатъ „соціальный“ означаетъ здѣсь коллективный. Не имѣетъ, наконецъ, значенія здѣсь и то обстоятельство, что психологъ оперируетъ нѣмного послѣдними „элементами“ своей дисциплины, какъ, напр., „ощущеніе“: ибо это не что иное, какъ простой методологическій пріемъ, ведущій къ познанію непосредственно-субъективныхъ состояній психики.

висимости отъ угла зрѣнія: въ зависимости отъ этого, передъ нами будетъ или категорія натуралистическая, или психологическая, или, наконецъ, категорія соціологическая ¹⁾. И, какъ опредѣленные понятія, категоріи эти принципиально не имѣютъ между собой ничего общаго; въ этомъ смыслѣ онѣ представляютъ собой нѣчто разнокачественное.

Это крайне важное методологическое соображеніе и упускаетъ изъ виду г. Софроновъ,—а отсюда и всѣ погрѣшности въ его сужденіяхъ о Штаммлерѣ.

По отношенію къ г. Кистяковскому я могу ограничиться немногими замѣчаніями.

Неправъ онъ, когда приписываетъ Штаммлеру, что общество для послѣдняго сводится къ одному лишь внѣшнему признаку совмѣстнаго бытія ²⁾; неправъ потому, что для Штаммлера „хозяйство“ и „право“ представляютъ собой, въ дѣйствительности, неразрывное цѣлое.

Упрекъ Штаммлеру въ аристотелизмъ пріобрѣтаетъ въ устахъ г. Кистяковского уже совсѣмъ странный характеръ, такъ какъ форма не только является будто бы для Штаммлера „собственно творческой, оживляющей и вновь созидющей силой“, но и самая матерія соціальной жизни живетъ и развивается „по физическимъ (?) законамъ и для соціального прогресса совершенно бесплодна“ (S. 77).

Какъ бы мы ни относились къ ученію автора „Хозяйства и права“, но отождествлять его „матерію соціальной жизни“ т.-е. всякую конкретную совмѣстную дѣятельность людей, направленную на достиженіе опредѣленнаго результата, съ матеріей въ философскомъ или естественно-научномъ значеніи этого слова, т.-е. съ протяженнымъ вообще, и утверждать, что, по ученію Штаммлера, соціальный процессъ творится по законамъ физическимъ, — это значитъ совершенно не понять и извратить точку зрѣнія автора. Если же предположить—что едва ли въ данномъ случаѣ возможно,—что г. Кистяковскій подъ законами физическими понимаетъ вообще генетическую точку зрѣ-

¹⁾ Къ тому же явленію—кладка дома—мы могли бы приложить и телеологическій уголъ зрѣнія,—и тогда передъ нами опять было бы совершенно новое понятіе, не имѣющее ничего общаго съ предыдущими.

²⁾ „Stammeler... erklärt ein einziges äusseres Merkmal des Zusammenseins... für die Gesellschaft selbst“ (Op. c., S. 75).

нія, въ противоположность критической, нормативной, — то, во всякомъ случаѣ, это необходимо было бы оговорить: иначе недоразумѣнія неизбежны. Я не говорю уже о томъ, что конечная задача Штамплера и сводится именно къ установленію телеологическаго угла зрѣнія на социальную жизнь.

Усматривая въ подраздѣленіи социальной жизни на форму и матерію признаки аристотелизма, г. Кистяковскій, въ свою очередь, опредѣляетъ общество, какъ „совокупность (Gesamtheit) людей независимо (ohne Rücksicht) отъ правилъ и нормъ, связанныхъ однако въ единство благодаря социально-психическому процессу“, и спрашиваетъ: „Развѣ совместная жизнь и взаимодействие между людьми перестаютъ уже быть обществомъ, если ихъ мыслить безъ нормъ и правилъ?“ (S. 76).

Въ свою очередь, я поставлю вопросъ: что именно будетъ выражать собой совместная жизнь людей и взаимодействие между ними, если мы отвлечемся отъ нормъ и правилъ въ смыслѣ Штамплера?— Это будетъ процессъ совместной психической жизни людей,—процессъ, какъ таковой, въ его непосредственно переживаемой формѣ, извѣстный рядъ мыслей, чувствъ, желаній, стремленій, дѣятельностей, безразлично, на что и какъ онѣ направлены. Но не превращается ли въ такомъ случаѣ этотъ процессъ совместной психической жизни людей изъ объекта социологіи въ объектъ психологіи (социальной, коллективной); какъ дисциплины, изучающей явленія, лишенныя протяженности?

Если это соображеніе признать ошибочнымъ, то что вообще должно составлять содержаніе социальной психологіи, какъ особой дисциплины? Гдѣ и въ чемъ долженъ выражаться въ такомъ случаѣ самый объектъ ея изученія? — Съ точки зрѣнія г. Кистяковского, совершенно невозможно, какъ мнѣ кажется, провести какую-либо границу между социологіей и социальной психологіей, какъ самостоятельными въ отношеніи другъ къ другу дисциплинами. И самое существованіе послѣдней является въ такомъ случаѣ какимъ-то недоразумѣніемъ. А она существуетъ и успѣшно развивается ¹⁾.

¹⁾ То же смѣшеніе социально-психологической категоріи съ категоріей социологической характерно и для Зиммеля, и для Людвига Штейна, для Ратценгофера, для Тарда и для многихъ другихъ авторовъ. Ближе подходит къ правильному рѣшенію этой проблемы г. Карѣвъ, хотя его точка зрѣнія въ данномъ случаѣ недостаточно выдержана

Если этот вывод ускользает от вниманія г. Кистяковского, то происходит это благодаря тому, что право въ смыслъ Штаммлера онъ склоненъ сводить исключительно къ праву въ обычномъ смыслѣ этого слова, хотя и упоминаетъ въ то же время и о *Sittenlehre* и *Ethik* ¹⁾).

Итакъ, можемъ мы коротко резюмировать точку зрѣнія соціального монизма, общество есть внѣшнимъ образомъ урегулированная совмѣстная дѣятельность людей, и регулированіе это достигается при помощи права въ широкомъ значеніи этого слова. Въ то же время, право и дѣятельность людей, хозяйство, не представляетъ собой чего-то раздѣльно существующаго,—это, наоборотъ, нѣчто цѣлостное, органически-связанное, неразложимое и несводимое ни къ чему иному: понятія „формы“ и „матеріи“, по отношенію къ соціальному, играютъ служебную роль: это вѣхи, значки, по которымъ распознаемъ цѣлое,—не больше. Не форма и матерія, сочетаясь, создаютъ соціальное, оно не функция, не производное этихъ кажущихся самостоятельными „величинъ“,—не отъ нихъ мы приходимъ къ соціальному,—а, наоборотъ, именно отъ соціального приходимъ мы къ этимъ понятіямъ формы и матеріи, желая уяснить себѣ, что же именно въ этомъ цѣлостномъ, неразложимомъ комплексѣ является постояннымъ, основнымъ, обуславливающимъ, и что, наоборотъ, есть обуславливаемое, опредѣляемое,—опредѣляемое не въ причинномъ, а въ логическомъ смыслѣ. >

4.

„Хозяйство и право“ съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи,—такъ гласитъ заглавіе настоящаго труда Штаммлера. Историческій или, какъ выражается Штаммлеръ, соціальный матеріализмъ служитъ той центральной идеей, вокругъ которой концентрируются всѣ теоретическія по-

¹⁾ Вновь позволю себѣ напомнить читателю, что съ точки зрѣнія Штаммлера совершенно несущественно, кристаллизовались-ли нормы и правила въ нѣчто разъ навсегда данное—чему, повидимому, придаетъ большое значеніе г. Кистяковский,—или онѣ остаются въ формѣ текучей, непрестанно мѣняющейся: въ такомъ случаѣ „соціальное“, какъ особое понятіе, совершенно немислимо внѣ и безъ нормы. Объ этомъ съ полной наглядностью свидѣтельствуетъ любой фактъ совмѣстной дѣятельности или даже только совмѣстнаго пребыванія людей.